

Биограф

Автор:

Инна Комарова

Биограф

Инна Комарова

Эта книга – дань моего глубочайшего уважения самоотверженным людям – биографам, благодаря которым, человечество обогатилось знаниями. Перед ним открылся увлекательный, порой трагический мир замечательных людей, уникальных ярчайших личностей. Мой низжайший поклон биографам за их труды праведные.

От автора

Эта книга – дань моего глубочайшего уважения самоотверженным людям – биографам, благодаря которым, человечество обогатилось знаниями. Перед ним открылся увлекательный, порой трагический мир замечательных людей, уникальных ярчайших личностей.

Мой низжайший поклон биографам за их труды праведные.

Эпиграф

«У меня остаётся одна надежда, – писал Паганини Фердинанду Паеру, – что после моей смерти оставят меня в покое те, кто так жестоко отомстили мне за мои успехи скрипача, что не нарушат покоя моего и не оскорбят имени моего, когда я буду лежать в родной земле».

(А. Виноградов «Осуждение Паганини» 1953 год)

*

И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьем гаме,

И Гете, свищущий на вьющейся тропе,

И Гамлет, мысливший пугливыми шагами,

Считали пульс толпы и верили толпе.

Быть может, прежде губ уже родился шепот

И в бездревесности кружились листья,

И те, кому мы посвящаем опыт,

До опыта приобрели черты.

О.Э. Мандельштам

Италия

Вступление

Италия – страна чудес. Многие из нас мечтают побывать в этой прекрасной сказке, окунуться в небывалую красоту – творение гениев, покататься на гондолах под звёздным небом Венеции, побродить по старинным улицам, описанным во многих литературных произведениях.

Италия подарила миру выдающихся личностей. Благодаря стараниям и неустанным трудам биографов, человечеству посчастливилось соприкоснуться с их судьбами, преклонив колени перед их наследием.

– Дороги, дороги, дороги, и когда им придёт конец, а, Цезаре? – спрашивал слуга Пауло, вечный спутник своего господина.

Пауло говорил, а тем временем, собирался в очередную поездку, погружая в карету поклажу со всем необходимым для долгой дороги. Цезаре в ответ ему улыбался.

– Ничего, ничего. Сидя на одном месте не интересно жить, – противоречил он. И лукаво спросил:

– Разве я не прав, Пауло? В пути такое разнообразие. Наблюдая из окна кареты за происходящим, не одну человеческую жизнь проживаешь, – рассуждал Цезаре, вдохновляясь. Ты со мной не согласен? – переспросил он.

– Ну да, ну да. Понимаю. Как не понять? – ответил Пауло, вопросительно.

И тут же, перехватив дыхание, продолжил донимать своего господина.

– В связи с этим, дражайший синьор Цезаре, сделайте одолжение. Ответьте мне, пожалуйста, на один нескромный вопрос, – докапывался до сути Пауло.

– Слушаю тебя внимательно, – сказал Цезаре, не подозревая подвоха.

– Позвольте полюбопытствовать, синьор, а когда же мы свою собственную жизнь проживать будем? – язвительно произнёс Пауло. Он любил пошутить, а иногда и поддеть Цезаре.

После глубокомысленного спича Пауло, господин и слуга посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

Предисловие

Знаменитый итальянский биограф, маститый писатель, безукоризненный мастер слова – Цезаре Дель Монти, с молодости свою жизнь проводил в пути. Он

тщательно отбирал материалы для своих опусов.

Цезаре неистребимый романтик по натуре. В то же время, требователен, жёсток, строг к себе в работе.

После тридцати он кардинальным образом изменил род занятий и свою привычную устоявшуюся жизнь. Занялся жизнеописанием судеб великих творцов мира сего. Всецело отдавался делу, которое любил и которому посвятил накопленные знания, опыт, силы. В связи с этим, он редко бывал дома и подолгу не видел свою семью. Там же в дороге, он обрабатывал свежий материал и попутно вёл дневник – путевые заметки.

Первое путешествие после женитьбы и рождения сына

– Синьор, Вам не кажется, что нам пора домой? – спросил Пауло.

Синьора Мария вся измучилась в ожидании Вас. Так Вы не заметите, как Ваш первенец вырастет. Не дело это, – слуга наставлял на путь истины своего «блудного» синьора.

– Я постараюсь оставить ему такое наследие, чтобы он не краснел за своего отца, – Цезаре неожиданно повернул разговор в иное русло.

– Согласен. Но и Вам не помешает порадоваться его успехам. А в пути, что Вы можете увидеть, узнать, ощутить? – беспокоился Пауло. Те редкие весточки, которые мы перехватываем в дороге, написанные Вашей супругой, пронизанные лаской, любовью. Разве они могут заменить Вам ощущение домашнего уюта и общения с Вашей семьёй? – задал вопрос Пауло, и сам на него ответил:

– Нет, конечно.

– Безусловно, ты прав, Пауло. Не могу не согласиться.

К слову, должен заметить, мне очень повезло с женой. Ты знаешь, она ведь выросла в роскоши, но, как и её отец, большая труженица. Помню, захворал истопник в их доме. Так отец моей Марии не

нанимал никого другого, а сам с помощью слуг рубил дрова и топил печь, чтобы не выстудить дом в холодное время года. И не зазнавался, не задира л нос. Сколько его помню, он никогда не ставил себя выше других, не выказывал своё превосходство. А ведь он сам был потомком дворянского рода. Удивительный человек, – восхищался Цезаре. – Я всегда вспоминаю его с теплотой в сердце, так хорошо мне о нём думается.

– Какой замечательный пример для подражания, – подчеркнул Пауло. Теперь я понимаю, откуда в синьоре Марии такое трудолюбие, такое рвение и умение всё доводить до хорошего результата.

Поначалу, когда вы поженились, я полагал, что она не доверяет слугам, кухарке. А потом меня посетила другая мысль – она превосходно всё умеет делать сама. Я восторгаюсь её десертами, – Пауло сел на любимого конька. И тут же опомнился:

– Тем более, синьор, нам следует поторопиться домой.

– Хитрец! – улыбнулся Цезаре, покачав головой в назидание.

После паузы он продолжил сосредоточено и серьёзно:

– Хорошо, хорошо, дружище Пауло. Обещаю тебе. Вот только взгляну на дом, где в Венеции жил Глинка. Пришло время осветить этот период в его жизни, творчестве. Ты же знаешь, я не могу писать, не слившись с реальностью. Я плохой выдумщик, люблю правду, – подробно объяснял Цезаре. – И мы сразу отправимся в обратный путь, – пообещал он назойливому слуге.

Иллюстрируя вышесказанное, он запел:

«Ночь весенняя дышала,

свежей утренней красою.

Тихо Брента протекала,

серебримая луной...»

– Ах, чудесно, чудесно, Цезаре, – воодушевился слуга и подхватил припев. Теперь они пели вместе. На их лицах воцарилось блаженство. Они наслаждались мелодичностью, лёгкостью творения Михаила Ивановича Глинки. Но пели они, безусловно, на итальянском языке. Цезаре не знал русского языка, несмотря на то, что у него были русские корни.

Цезаре и Пауло не раз музицировали вместе, получая от этого занятия огромное удовольствие. Даже дальняя дорога не являлась помехой этому. Напротив, их музыкальные паузы разряжали обстановку, вносили струю свежей энергии и они, заряжаясь ею, продолжали путешествие.

– Я глубоко переживаю его уход из жизни, – соболезновал Цезаре кончине Глинки. – Яркий, самобытный композитор. Я горд, что был знаком с ним, пусть не на короткой ноге и всё же. Это честь для меня – быть современником композитора такого масштаба. Нынче я с чистой совестью могу приступить к работе и осветить всё, что знаю об этом большом музыканте. Надо поторопиться.

*Историческая справка.

В двадцатилетнем возрасте Михаил Иванович Глинка, наконец, осуществил свою заветную мечту. Его ребяческая страсть к путешествиям ожила в душе – манила и влекла Италия, воспетая и прославленная поэтами, художниками всего мира. Красота природы, величественные памятники архитектуры, скульптуры, живописи, созданные мастерами древности и эпохи Возрождения. Мелодичная, сладкозвучная итальянская музыка – всё это многих заставляло мечтать о поездке в Италию.*

Однако не всё так просто. Глинка пытался убедить отца, который не разделял помыслов и чаяний своего сына. Воспитание Глинки не позволяло ему противоречить отцу. В этой ситуации выручил авторитетный врач, который убедил несговорчивого Ивана Николаевича Глинку, что молодому композитору необходимо пребывание в тёплом климате, ссылаясь на заболевания сына.

Вскоре Глинка получил паспорт для отбытия в чужие края. Так в апреле 1830 года он направился в Италию.

В Италии Глинка написал немало сочинений, но ни одно из них не передаёт так точно, так тонко его итальянских впечатлений, как романс «Венецианская ночь».

В тот период Глинка жил в Милане около собора.

*Как-то в тёплую лунную ночь, сидя со своим другом на балконе, он переполненный новыми ощущениями, поделился с ним своими мыслями. Его собеседник посмеялся над Глинкой, когда услышал, что тот мечтает выразить в музыке лунный свет и ароматы ночи. Глинка сохранил в памяти те удивительные чувства, остался верен своим намерениям и блистательно осуществил задуманное.

Он для своего произведения выбрал популярную в итальянской музыке форму баркаролы – песни на воде. А литературным материалом для его замысла прекрасно послужило стихотворение поэта Ивана Ивановича Козлова – человека трагической судьбы.

Атмосфера летней ночи, пропитанная романтизмом, юношескими мечтаниями и ожиданием волшебства слились воедино в лёгкой, трепетной, ласковой мелодии, имитируя переливы воды, колыхание волн. Произведение передаёт слушателю состояние светлой радости, счастья, неги и внутреннего подъёма, что отражает ничем не омрачённый период в жизни выдающегося композитора.*

– Дороги, дороги, дороги. И когда им придёт конец? Не жалеете Вы себя, синьор, – возмущался Пауло.

Перекусив булочкой с прошутто – пармской ветчиной, которую заботливый слуга припас в дорогу, Цезаре вернулся к разговору.

– В продолжение нашего диспута внесу ясность, мой добрый друг.

Ты явно преувеличиваешь мою значимость, заявляю тебе это откровенно и с полной ответственностью, – высказался Цезаре, развивая диалог и улыбаясь словам, высказанным ранее преданным слугой.

Я обыкновенный писарь, никто иной, – ухмыляясь, обнародовал свою точку зрения Цезаре.

– А я говорю, Вы глубоко ошибаетесь, синьор. Это не так. Какой же Вы писарь? И вовсе Вы не писарь. Вы, сударь мой, Биограф, – произнёс Пауло помпезно (деля слово на слоги), подчёркивая смысл и значимость слова. Сделайте одолжение, не путайте эти два понятия. Вы восстанавливаете справедливость. Вы воскрешаете некогда ушедших в мир иной, но не простых смертных, как я, например, а великих.... А это дорогого стоит, – многозначительно выговорил Пауло, придавая сказанному наиважнейший смысл.

Благодаря Вам, мой синьор, человечество будет чтить мастеров, воздавая им по заслугам, – произнёс Пауло, как заклинание. Посмотрев в окно, он констатировал, – и тому подтверждение. Мы опять в пути.

Сейчас бы посидеть у камина, пригубить два-три глотка Кьянти.* Ах, блаженство! А в такой холод, я бы и не отказался от прекрасного целебного ароматного морса – напитка Богов. Да ещё с медком. Как он хорошо прогревает. Удовольствие!

Ох, а как его готовит Ваша супруга, синьор! К сожалению, Вы не придаёте этому никакого значения. Вам некогда, понимаю.

Или наливочку из ягод отхлебнуть прямо из узкого горлышка. Да...– протянул он в продолжение своих мыслей. Совсем неплохо, – должен заметить. – Вдобавок к этому, насладиться панна коттой, мастерски приготовленной синьорой Марией. Красота! – продолжал Пауло, перечисляя излюбленные блюда, делясь приятными его сердцу воспоминаниями. Он размялся. Пауло слыл гурманом, знал толк в еде.

– Как я люблю этот дивный десерт. Мммм...наслаждение, – тут же переключаясь на кулинарные пристрастия, забыл старый слуга, о чём вёл речь.

А после разочарованно добавил:

– Вместо всего этого, мы трясёмся в карете. Полнейшее безобразие, – выразил недовольство Пауло. Он улыбнулся своим мыслям, бросив взгляд в окно. Ассоциации унесли его далеко от мест, где он находился в данный момент.

Опомнившись, Пауло продолжил:

– Вот, вот. Мы опять трясёмся в карете, – повторил он ту же фразу, на которой оборвалась мысль.

Видите ли, Вам, мой синьор, срочно понадобился недостающий материал для Вашего труда. И мы опять в дороге, потому, что Вы синьор, не можете воспользоваться своими старыми записями, усложняя свою жизнь, а стало быть, и мою.

Разве Вам, с Вашим ревматизмом можно отправляться в дальние странствия? Вы забыли наставления доктора Бускони. Что Вы с собой делаете? – бурчал старый слуга.

Нет, Вам срочно потребовались свежие источники, и мы несёмся по размытым дорогам, днями и ночами, замечу, порой и в изморозь, неведь куда. Он проговорил это, вкладывая в слово «изморозь» особое значение.

Только для того, чтобы Вы опросили живых неувядающих свидетелей, – произнёс Пауло саркастически.

А где, – я спрашиваю Вас, – где Вы их найдёте? Кто мог, уже давно не здесь. Пауло жестом, и глазами указал на небеса.

Это мы с Вами задержались, не знаю, как? – Пауло всё говорил, говорил, а Цезаре молчал.

Вы слишком строги к себе, мой синьор, – в очередной раз повторил Пауло.

Цезаре похлопал по плечу старого слугу и сказал:

– Ты преувеличиваешь мои заслуги, добрый мой старый друг.

Я делаю то, что умею и то, что должен делать, – ответил он слуге.

А ты себя явно недооцениваешь. Ты столько лет терпишь меня, мой скрипучий нрав, мои привычки, мою рассеянность.

Между прочим, трясёшься со мной по этим же дорогам. Ухаживаешь за мной, когда я хандрю и хвораю. Помогаешь мне выстоять, когда сомнения одолевают мой мозг и мою усталую душу, а она у меня ранимая, – подчеркнул Цезаре тоном обидчивого ребёнка.

Ты со мною всю жизнь! Подумать только, – нахваливал Цезаре старого друга.

Я так привык к тебе. Будь уверен, дорогой Пауло, ты для меня не менее значителен, нежели те, о ком я пишу свои опусы.

Придёт время, я осяду дома и у камина, как ты говоришь, попивая ароматный кофеёк, напишу о твоей любви к ушедшей Кларин, – разоткровенничался Цезаре. Я об этом уже давненько подумываю. – О, Цезаре, Вы меня ввели в краску, – засмущался Пауло. На его щеках зардел румянец, как когда-то в юности.

Вы так добры, синьор. Я и не предполагал, что Вы, мой дорогой, помните о таких мелочах. Кому интересна моя жизнь? Цезаре, Вы становитесь сентиментальны. Поверьте, я тронут Вашим вниманием, – расчувствовался Пауло.

*Историческая справка

Символом итальянских красных вин можно бесспорно назвать Кьянти. Оно получило широкую известность не только в Италии, но и за ее пределами. Отдельно стоит рассказать о технологиях производства кьянти. Самый старый способ, благодаря которому поддерживалось высокое качество вин, называется “говерно аль Тоскано”. Суть его состоит в том, что к уже готовому виноградному вину добавляется сусло из подвяленного винограда. При этом происходит повторное брожение, после которого у вина появляется специфический вкус и аромат фиалки. В настоящее время этот метод применяется все реже и реже, он заменяется простой выдержкой в дубовых бочках. Классический кьянти пьют из пузатых бокалов средней величины. Температура вина должна быть 16-18

градусов. Обычно кьянти подают к колбасам всех типов и макаронным изделиям с мясной подливой, а также к мясу. Кьянти “Riserva” (то есть выдержанное кьянти) подают к блюдам с более сильным вкусом или вкусовым сочетанием; например, к мясу кролика, кабана или маринованной говядине. Такие блюда могут быть дополнены грибными соусами или овечьими сырами с длительной выдержкой. Пьют такие вина при более высокой температуре до 18-20 градусов и используют бокалы больших размеров, чем для обычного кьянти.

Пауло

Пауло для Цезаре был намного больше слуги.

Верный, преданный друг, испытанный временем и обстоятельствами. Он оказался в родительском доме Цезаре, когда тот совершал переход из детства к подростковому возрасту. Сам Пауло в те годы был юношей. Несколькими годами старше самого Цезаре.

Дело в том, что Пауло рано потерял родителей, оставшись круглым сиротой. А мальчик прекрасно пел, поэтому соседи привели его в церковь. Там он жил и занимался в церковном хоре. Органист, обнаружив у мальчика незаурядные способности, стал уделять Пауло больше внимания, обучал его помимо занятий в хоре. Пауло добился превосходных успехов. Он подавал большие надежды. Но, как в жизни бывает, не всё движется по желаемому расписанию. Так случилось, что в период мутации (14-16 лет у мальчиков) у Пауло пропал его божественный голос и, чтобы мальчик не впал в отчаяние, органист привёл его в родительский дом Цезаре, порекомендовал на службу.

Органист глубоко уважал семью синьора Рауля Дель Монти, знал, что у них растёт чудесный мальчик – старший из детей в семье и решил, что это единственно правильный, самый лучший и надёжный вариант для сироты – Пауло.

Помимо всестороннего развития, которое Пауло получил у своих родителей, он был хорошо приспособлен к жизни, многое умел делать, благодаря его общению с простым людом.

Мальчики сразу нашли общий язык и подружились. С тех самых пор Пауло остался с Цезаре и служил ему верой и правдой.

Прикосновение к родным местам

Эмилио – Романья вошло в историю итальянской кулинарии, появлением на свет нежнейшего десерта – панна котта, что в переводе означает «варёные сливки». В Италии много вариантов приготовления этого легчайшего десерта, как правило, его готовят с фруктами. Любят его от мала до велика, бедняк и богач.

Здесь в Эмилио-Романья родилась и выросла Мария – супруга Цезаре. Сюда она стремилась всей душой, тосковала по этим местам, когда обстоятельства складывались не в пользу поездки. А когда Цезаре выкраивал небольшой отпуск для семьи, они направлялись именно в Эмилио-Романья.

В период отпуска Мария возрождалась. Она расцветала. Улыбка не сходила с её уст. Её душа радовалась. Ей нелегко жилось в отрыве от родных.

Цезаре часто отсутствовал, и ей приходилось выполнять две, а то и три функции, что называется, за маму, за папу и ещё за хозяйку, управляющую большим домом. Она не роптала, понимала величие, талант и незаурядность человека, с которым связала свою судьбу, любила его, была ему предана. И всё же Мария частенько тосковала по родным местам и по людям в особенности.

– Тётушка Бланш, с добрым утром, – поприветствовала Мария.

– Мария, моя ты дорогая. Как я тебе рада, – зашумела тётушка Бланш. – Приехала навестить. Как это хорошо с твоей стороны, – раздумянулась тётушка, встречая племянницу во дворе. Она с трудом привела в движение свой увесистый несуразный корпус. Тётушка Бланш подплыла к Марии, обняла её и поцеловала.

– А где твоё святое семейство? – спохватилась она.

– Цезаре с детьми вышли на поляне. Пошли прогуляться по зелёной травке. Во время таких прогулок Цезаре им рассказывает много познавательных интересных историй. Пусть побудут вместе. К сожалению, это случается редко. Он так занят, ему некогда заниматься детьми. А Пауло разгружает поклажу. Мы

всем привезли подарки, – Мария не могла наговориться. Она сияла от счастья и спешила насытиться общением с первых минут долгожданной встречи.

– Ты сама лучше любого подарка, – сказала тётушка Бланш. –

Ну, пойдём в дом. Там твоя мама с горничной накрывают стол к завтраку. Какой сюрприз ты ей приготовила, она давно ждала тебя, – приглушённо, маскируя обертоны голоса, сказала тётушка Бланш, как бы по секрету.

– Наверняка кухарка приготовила мою любимую фритатту, – предположила Мария.

– Как ты догадалась? – удивилась тётушка Бланш. – Твоя мамушка как чувствовала, что вы нагрянете. Ещё вчера заказала ей приготовить к завтраку.

– У меня нюх на любимые блюда, – засмеялась Мария. – Я её готовлю, как мамина кухарка – София.

– Да, ты с детства любила крутиться на кухне. Помнится, твой батюшка, мой братец, тебя гонял оттуда. Хотел, чтобы ты больше времени уделяла учёбе, дисциплинам. А ты любила кухню. И правильно делала. Зато теперь ты прекрасная мастерица, – с гордостью произнесла тётушка Бланш, входя в дом с долгожданной гостьей.

Издалека

Какие только чудеса и приключения не случаются в пути. Да, дорога сулит путешественнику сюрпризы, которые поджидают его на каждом шагу. Это располагает к душевному разговору, к приятным воспоминаниям. В обыденной жизни они тщательно охраняются, оберегаются от постороннего взора и лишь изредка при особых стечениях обстоятельств, всплывают на поверхность.

– Синьор, помнится, прислуга поговаривала украдкой об удивительной истории любви ваших матушки и батюшки. Поведайте, если конечно это не является семейной тайной, спрятанной под семью замками. Я человек маленький, позволю себе высказать расхожее мнение – по прошествии лет все тайны теряют свою

актуальность и перестают быть тайнами. Помните, всё тайное становится явным. Рискните, а? – уговаривал хитрец слуга.

Ему не терпелось узнать все подробности. Он обожал читать романы о любви. Вот и сейчас выглядел капризным ребёнком, надоедая Цезаре.

– Я никогда не забуду, – продолжал он, – как Ваш батюшка глядел на Вашу матушку с такой нежностью, с таким обожанием, которую словами передать невозможно. А как он держал в своих ладонях её тонкую кисть. Поэма! – в Пауло погибал настоящий поэт. Он, дожив до солидного возраста, не научился видеть и чувствовать прекрасное. И заявлять об этом он тоже не научился. Вот и сейчас донимал Цезаре. Грань между ними давно стёрлась. Пауло относился к Цезаре как к старинному другу, а не как к своему господину. Цезаре принимал это отношение как должное. Они давно сроднились.

– Цезаре, скажите, а почему Вы до сих пор не поделились с потомками этим неповторимым, трогательным романом? – приставал он.

Почему бы Вам не приоткрыть завесу семейной тайны? Думается мне, это было бы нечто выдающееся. Возможно, лучшее из написанного Вами ранее, – размышлял Пауло, жестикулируя, располагая Цезаре к разговору.

– Да, ты прав, мой друг, – ответил Цезаре, размышляя.

Пора, действительно, пора. Настало время и об этом поведать миру. Всё полагал, время ждёт. Надо, надо, – соглашался Цезаре.

А годы уходили, улетали...

Цезаре уже не ощущал себя юношей, молодым человеком. Однако, дожив до преклонных лет, нажив усталость и болезни, желание полениться, покапризничать, в глубине души оставался прежним возвышенным Цезаре Дель Монти, каким воспитали его родители.

Болтаясь в карете, по размытым дождём, и ухабистым дорогам, он то, дремля, то, бодрствуя, окунался с головой в воспоминания.

А они, заполучив его, чередой проносились в уставшем мозге, уводя за собой, увлекая в далёкое странствие, поглощая его внимание, притупляя бдительность и реакции на окружающую действительность. Цезаре не любил осеннюю сырость, его изводил ревматизм, и он промерззал в карете, пока они добирались до пункта назначения.

Старый заботливый слуга прихватил из дома тёплый плед. Не мешая господину, дабы не отвлекать Цезаре от внутреннего монолога, он набросил на него плед, укутав со всех сторон. Цезаре даже не отреагировал. Он привык к заботам слуги.

Согревшись, Цезаре предался сладостным грёзам. А старый слуга, тихо бурча себе под нос, напутствовал своего господина на сон грядущий.

Впечатление на всю жизнь

В шестилетнем возрасте Цезаре впервые вывели в свет. И это был театр.

Дело в том, что в феврале 1816 года шла премьерная постановка оперы Джоаккино Россини «Севильский цирюльник». Рауль с Шурочкой (родители Цезаре) отправились на премьеру и взяли с собой Цезаре. Событие для ребёнка шести лет неординарное. Шурочка накануне провела беседу с Цезаре, морально подготовив его к предстоящему событию. До этого он неоднократно слушал в их доме больших музыкантов – добрых приятелей его отца. На этот раз Цезаре предстояла встреча с великой музыкой самого Россини, с его бессмертным шедевром. Рауль и Шурочка желали приобщить ребёнка к музыкальному искусству и для начала они выбрали лёгкую, игривую, грациозную, ироничную, шаловливую, необыкновенно красивую музыку Россини. Мелодизм и виртуозность «Севильского цирюльника» могли заморозить любого слушателя. Совсем необязательно, чтобы он относил себя к

истинным меломанам. А комедийный сюжет, так ярко, так талантливо выписанный и обыгранный в музыке, покорял слушателя. Россини пошёл по стопам великого Перголези, который явился первооткрывателем жанра – buffo в оперном искусстве.

Маленький Цезаре был потрясён. Сам театр: монументальность здания, блеск люстр, удивительная атмосфера – всё привело его в восторг. А неподражаемая музыка Россини так и осталась для него загадкой на всю жизнь. С первых звуков увертюры Цезаре растворился в музыке, попав в её плен раз и навсегда. Всё его внимание было приковано к оркестровой яме. Он забыл, что рядом с ним сидят слушатели, совершенно чужие люди. Цезаре на ходу уловил лейтмотив главной темы, свободно напевал, испытывая при этом, огромное наслаждение. Шурочка и Рауль в глубине души радовались и не мешали сыну. Это были самые сильные впечатления Цезаре – мальчика, оставшиеся на всю жизнь. С тех самых пор он постоянно напевал запомнившиеся ему мелодии. С огромным желанием посещал театры. Повзрослев, он поставил перед собой цель – встретиться с Россини. А после встречи с маэстро, у него созрело желание написать труд о гениальном композиторе.

Радость бытия

Солнечные ясные дни всё реже баловали наших путешественников. Осень давно вступила в свою завершающую фазу. Ночами ощущалось приближение зимы. Пауло перед очередной отправкой запасался на постоялом дворе большой бутылкой кипятка. В ней он запаривал травы, и Цезаре с Пауло довольно быстро опустошали этот сосуд.

Пауло обожал лето. Его не пугала жара. Он купался в лучах солнца, восклицал, вытягивая руки к небесам, и радовался, как дитя.

– Приветствую тебя подарок Божий! Я восхищаюсь тобой. Я обожаю тебя. Благодарю тебя. Ты прогреваешь все мои уставшие старые косточки, после чего я оживаю, в душе возгорается искра, крепнет мой дух. А ты знаешь, что это такое? Это так хорошо. Так сладостно. Ты ласкаешь мою душу, я молодею на глазах и начинаю петь юным девам серенады. Даже платонические чувства дарят мне удивительные ощущения, и я опять ощущаю себя юношей.

Ты даришь столько света, что надежда наполняет моё сердце.

О, солнце! Приветствую и благодарю тебя, подарок Божий!

Зимой я мечтаю о лете, и это помогает мне переносить холода.

Кларин – ушедшая мечта

Цезаре выполнил обещание, данное им Пауло. Да и обстоятельства сложились благополучно, и случай помог.

В один из зимних дней в дороге разыгралась непогода. Она вынудила сократить маршрут, и не запланировано заехать на ближайший постоялый двор. Времени высвободилось предостаточно, и Цезаре, уединившись, сделал наброски нового произведения, в основу которого легла история любви Пауло и его невесты Кларин.

Цезаре писал всю ночь. Вдохновение подоспело, он на одном дыхании выложил всё задуманное и распланированное им ранее.

А Пауло преспокойно спал, не подозревая, что с этой ночи стал бессмертным, благодаря стараниям и таланту его единственного друга.

Дело в том, что отец Цезаре – Рауль Дель Монти не относился к Пауло, как к слуге. Он очень сочувствовал сироте и считал своим долгом дать Пауло то, что не успели его родители. Тем самым, он желал восстановить справедливость. В связи с этим, Рауль отдал Пауло учиться в ту же гимназию, где учился Цезаре. Поскольку Пауло был подкованным и смелым мальчиком, он довольно быстро наверстал упущенное.

В то время классы были разделены – на женские и мужские. Классы девушек находились на противоположной стороне улицы. Пауло возвращаясь после занятий домой, каждый день проходил мимо окон, за которыми витал женский дух.

Однажды совершенно случайно он познакомился с Кларин.

Дело было так. На перемене девушки баловались, запуская через оконную форточку бумажных ласточек одна из которых угодила в проходившего мимо Пауло. От неожиданности он застыл на мгновение, затем поймал бумажное послание и прочитал надпись. На ласточке было написано имя – Кларин. Пауло припал к окну губами и стал корчить рожицы, веселя девушек. Так они

познакомились. Находчивость, остроумие и здесь не подвели Пауло. Он тут же рядом с именем написал на ласточке время и место встречи и, подпрыгнув, отправил послание тем же путём – через форточку. Так впервые в жизни Пауло назначил свидание девушке. Они полюбили друг друга с первой встречи, легко нашли общий язык и подружились.

Вспоминая позднее, Пауло рассказывал, что в этот период жизни считал себя самым счастливым. Он обрёл то, о чём и мечтать не мог. После гибели родителей он смирился с той мыслью, что всё лучшее в его жизни осталось позади и всё, что ему предreshено – это одиночество.

Кларин наполнила его жизнь радостью, светом, теплом. Она оживила её, обогатила эмоциями, красками, редкими ощущениями, о которых Пауло всегда вспоминал с благодарностью, делясь с Цезаре. Он опять запел.

Пауло и Кларин сроднились душой, они дружили несколько лет, не расставаясь ни на день, и должны были пожениться. Молодые строили планы и беспрестанно мечтали, мечтали...

За день до венчания, Кларин поехала к модистке забрать платье. После последней примерки, с готовым упакованным платьем, она вышла на улицу в превосходном настроении. Её душа пела, заливалась трелями соловья. По дороге домой, она засматривалась в роскошные витрины, откуда ей приветливо улыбались. Её личико светилось счастьем. Она была недалеко от дома, ей осталось миновать две улицы. Кларин увидела приятельницу и решила перейти на противоположную сторону улицы, поздороваться с ней, поделиться новостью.

Как вдруг из-за угла на большущей скорости понеслась повозка с лошадьми. Они летели со всех ног, как будто с цепи сорвались, издавая злобное ржание. Видимо кучер был пьян, разогнался, а удержать лошадей не сумел. Одно мгновение и лошади сбили девушку насмерть.

Пауло не справился с этим потрясением. Потеря для него была невозполнимой. Кларин погибла, будучи беременной, стало быть, он потерял двоих. Всю жизнь он винил себя в этом.

Так Пауло и остался один. Ему неоднократно предлагали хорошие партии, но он и слышать не хотел. Через всю свою жизнь

Пауло пронёс в душе светлый образ Кларин и память о любимой.

Момент подоспел

Во время небольшой передышки после длительного путешествия, оказавшись под сенью дома, Цезаре принялся за роман. Теперь пришло время увековечить редкую неповторимую многострадальную любовь, которой судьба наградила его родителей, и благодаря которой он появился на белый свет.

Он рос, изо дня в день ощущая тепло и благодать этой любви. И даже тогда, когда не стало его любимой удивительной матушки, всё в доме напоминало о том чуде, которое соединило сердца его родителей.

Завязка

Россия

Да, то был дивный сон...

Медлительнее снежных улей,

Прозрачнее окна хрусталь,

И бирюзовая вуаль

Небрежно брошена на стуле.

Ткань, опьяненная собой,

Изнеженная лаской света,

Она испытывает лето,

Как бы не тронута зимой;

И, если в ледяных алмазах,

Струится вечности мороз,

Здесь – трепетание стрекоз

Быстроживущих, синеглазых.

– Маменька, Вы верите в сны? – спросила Шурочка, залезая по утрам в постель к матери. Она любила прижаться к её полному горячему телу, порассуждать о чём-нибудь, навдумывать небылиц, похихотать вдоволь.

– Сегодня во сне я видела себя в раннем детстве. Представляете?

– Ну почему же, не представляю? – ответила маменька.

– Нет, Вы не поняли. Не смейтесь. Вот послушайте, – настаивала Шурочка. – События я запомнила урывками. Больше помню Вас, папеньку, няню Агашу, тётушку Лидию Константиновну. И мне было так хорошо во сне.

– Ну и славно, мой друг, – ответила маменька отстранённо.

А вот однажды, – не унималась Шурочка, – мне приснился воистину дивный сон. И я помню его до сих пор. Тот удивительный сон был похож на сказку, наверное, поэтому и запомнится, врезался в память. Во сне я оказалась в роскошном будуаре.

Представляете, раннее летнее утро. Первые лучики света, через приоткрытую штору осветили уголок окна и проскочили в помещение. Они упали в центр, и в комнате стало светло. Лучики быстро перемещались в пространстве, повисали то на одном, то на другом предмете. То запрыгнут в один угол комнаты, то вдруг перенесутся в другой, затеяв весёлую игру. Не угонишься за ними. Я пробовала.

– Во сне? – удивилась маменька, спрашивая недоверчиво, вслушиваясь в рассказ дочери.

– А где ж ещё? Ах, как хороша она была...

– Кто? – перебивая, спросила маменька, не понимая, о чём идёт речь.

– Не кто, а что, – подметила Шурочка. Комната, маменька, комната, – пояснила она.

Настоящий будуар. Я себя там почувствовала так уютно. Богатейшая обстановка рассказывала о тонком вкусе хозяйки будуара.

– Ты же сказала, что сон о тебе? – спросила маменька. Ты не скромна, Шура, – произнесла маменька зычным голосом.

– Я так подумала, но уверенности у меня нет. Послушайте, я расскажу, а Вы подумаете и сделаете выводы. Я на Вас полагаюсь, – попросила Шурочка.

– Не дури, Шура. Сон твой, а я должна догадываться, кто тебе приснился? – не соглашалась маменька.

– Пожалуйста, прошу Вас, – заныла Шурочка.

– Ладно, ладно, рассказывай. Я вся во внимании, – настроилась княгиня выслушать дочь до конца.

– В изысканном стиле, – начала Шурочка, – подобраны мебель и все аксессуары. Мебель белоснежная, с вензелями, позолоченными

ручками, выпуклыми изящными формами и кривыми ножками. Как у нас в доме, только красивее, наряднее, праздничнее, я бы сказала.

– И что в этом особенного? – теряя терпение, спросила княгиня.

А Шурочка, не слушая её, продолжала:

– В центре внимания, на стене, большое овальное зеркало, обрамленное позолоченной оправой, очень похожее на наше.

– Так может быть, это и есть наш дом? – спросила княгиня.

– Не знаю, говорю же Вам, – ответила Шурочка, нервничая. –

К нему столик с небольшими ящичками. На столике флаконы духов, они мне своей формой напомнили фужеры, которыми Фрося сервирует стол в дни праздников. На краю столика свисают красивые длинные перчатки, светло-кофейного цвета, говоря о том, что их обладательница на ходу сняла и бросила, торопясь. Там же красивый старинный веер с испанским или итальянским сюжетом. Не помню точно.

– Откуда испанский, итальянский? Мы на воды ездим в Баден-Баден. Разве ты забыла? Станный сон. Ты хоть помнишь, где события происходят? – опять спросила княгиня Софья Алексеевна, увлечённая Шурочкиным рассказом.

– Не знаю, маменька, – задумалась Шурочка. Там не было сказано, – наивно по-детски ответила она. – Слушайте, дальше. Не перебивайте, маменька, – попросила Шурочка, возвращаясь к своему сну. – Лёгкий широкий прозрачный шарф в коричневых тонах, свисает в кресло, что стоит близко у стола (разбивая слово на слоги, протянула она). На нём открытая книга. Надо полагать, её хотели почитать, но лишь открыли нужную страницу. Так она и осталась лежать открытой в ожидании. Я и текста не запомнила, – сама себе удивилась Шурочка. – В кресле спокойно спала кошка, прикрытая наполовину соломенной шляпкой. И её, шляпку, скорее всего, обронили на ходу. Мы такие шляпки в тёплое время года надеваем. Только на той шляпке цветы и ленты ярче наших.

Над креслом на полке ваши с папенькой портреты, в дни романтических свиданий, тогда вы ещё не были соединены словом и законом совести, – смущаясь, произнесла Шурочка.

Княгиня улыбнулась образному сравнению, приведенному дочерью.

– Отдельно портрет солидной женщины, правда, в молодости. Вероятнее всего, это бабушка – княгиня Дарья Александровна.

– Так значит, ты и есть обладательница роскошного будуара? – поторопилась с тем же вопросом княгиня.

– Не знаю. Говорю же Вам, маменька, там не было сказано. Какая Вы нетерпеливая. – Слушайте дальше. – На столике ваза с белыми лилиями, новой куклой, которую подарили только что на день рождения. Рассматривая во сне куклу, я остро ощутила, как давно мечтала о такой кукле, и вот моя мечта сбылась. И мне так хорошо стало...

Значит сон обо мне, – подумала я. – И это моя комната? – спрашиваю. Ответа не последовало.

Шурочка задумалась.

– Спустя время в зеркале я увидела отражение юной девушки. Но это была не я, – снизила тон Шурочка. – Девушка крепко спала, устроившись на белоснежном мягком диване. Нежный облик томился от недавних ещё свежих эмоций. Он излучал покой, умиротворение и полноту счастья. Она улыбалась. Нега, истома окутали её облик. И вдруг я поняла, что действительно это я, но спустя определённый отрезок времени. Понимаете, маменька, уже взрослая. В самый интересный момент сон оборвался, как и не было. Я пробуждалась в плохом расположении духа. Осмотрелась, вокруг всё тихо. В реальности ничего не напоминало дивный сон. И лишь в отдалённых уголках мозга что-то подсказывало, что этот сон действительно был.

– Фантазёрка, ты моя, – сказала Софья Алексеевна, умиляясь дочери. – Начиталась романов. А ведь рановато тебе.

И тут княгиня вернулась к рассказу Шурочки.

– Так что ты хочешь сказать, что твоя комната хуже той, что тебе приснилась? – перенесла княгиня разговор на материальную почву.

– Маменька, Вы опять всё не так поняли. Там была комната взрослой барышни, а у меня детская!

– И что же? Вырастешь, и у тебя будет свой будуар. Можно подумать. Ты меня ничем не удивила, Шура, – разочарованно завершила разговор княгиня.

Шурочка нагнулась к маменьке и давай её целовать. А та смеяться.

– Баловница, пора вставать, – сказала княгиня дочери.

Сон

У Цезаре последние недели оказались очень насыщенными деловыми встречами и разнообразными впечатлениями. После них, он даже ночами работал, не желая терять времени.

Наконец, все дела были улажены и наши путешественники отправились в обратный путь. А Цезаре позволил себе немного расслабиться и крепко вздремнул. Ему приснился удивительный сон, который перенёс его на несколько столетий назад, в другие страны. Перед Цезаре предстала череда сказочных событий.

Будучи человеком впечатлительным, увлечённым, он ничего не выпускал из поля зрения даже во сне, фиксируя и запоминая. Многие факты откладывались в его памяти и при удобном случае, либо удачном стечении обстоятельств, напоминали о себе и тогда стройными рядами выстраивались действия, укладываясь под перо мастера.

Вдруг карета резко остановилась...Цезаре пробудился ото сна, не понимая, где он и что произошло? Он обвёл карету глазами, остановил взгляд на Пауло и спросил:

– Где я?

– В дороге, – невозмутимо ответил Пауло, читая роман.

– Что со мной? – спросил Цезаре, всё ещё оставаясь в плену своих сновидений.

– С Вами? – спросил Пауло. Не знаю. – Кучер резко остановил карету, мы подъехали к переезду.

Цезаре всё ещё не отдавая себе отчёт, он во сне или уже наяву, понемногу начинал осмысливать сюжеты недавних сновидений.

– Оливковые рощи... пески, виноградники, – произнёс он вслух.

Пауло оторвался от книги, посмотрел на него вопросительно.

– Синьор, Вы здоровы? – спросил он удивлённо.

Цезаре перевёл рассеянный взгляд в его сторону, пропуская мимо вопрос, сказал:

– Неужели мне всё это приснилось?

– Очевидно, синьор, – с той же невозмутимостью ответил Пауло, впиваясь в текст любовного романа.

Цезаре молчал, что-то обдумывая, а потом попросил:

– Ты только, пожалуйста, не торопи меня, я тебе сам всё расскажу.

– Хорошо, Цезаре. Я нем как рыба, – ответил Пауло полушутя, полусерьёзно.

– Пригрезится же такое! – сказал Цезаре.

– А что случилось, синьор? Вам опять приснились какие-то небылицы? – предположил Пауло.

– Да уж. Иначе это не назовёшь, – ответил Цезаре.

Пауло отложил в сторону книгу, присел и сказал:

– Я весь во внимании, рассказывайте, синьор.

Цезаре собрался с духом и спустя несколько минут начал своё повествование.

– Слушай внимательно. Рассказываю в том порядке, как я это увидел, – предупредил Цезаре. – Наберись терпения и не перебивай.

Представь себе. К твоим ногам падает лунный свет – лунная дорожка от луны к тебе. Представил? – спросил Цезаре. И сам ответил, – необыкновенно красиво! Ты начинаешь осознавать свою связь с вечностью. Не успел я об этом подумать, как через мгновение вместе с каретой и лошадьми взмываю ввысь. У меня перехватило дыхание. Стояла необычайно красивая звёздная ночь. А когда мы приземлились, откуда ни возьмись, наступил белый день. Перед моим взором шеренгами выстроились оливковые рощи. Такая экзотика. А вдали я заметил едва заметный караван верблюдов. Пекло, нигде ни капли воды... Вокруг пески, я бродил, бродил и набрёл на виноградники. Это было моё спасение. Там я укрылся от палящих лучей солнца. Там же нашёл глиняный кувшин, наполовину зарытый в песок. Я умирал от жажды, поэтому вытянул кувшин из песка, вынул пробку и пригубил. Блаженство!!! – с упоением произнёс Цезаре. – В кувшине оказалась прохладная водица, что немало меня удивило. Я омыл лицо, голову и под сенью виноградной лозы прилёг и уснул. И что ты думаешь? На сей раз, действие моего сна развернулось в Средневековье. Одиннадцатый век. И ты знаешь, с кем я повстречался? – спросил Цезаре.

Пауло в ответ лишь покачал головой. Он сидел, как замороженный. Вместе с рассказом Цезаре, он перенёсся в другое время, далёкие страны.

– Так вот, – продолжил Цезаре. Я беседовал с Омаром Хайямом – незадолго до его кончины.

– А кто это? – поинтересовался Пауло.

О, это уникальный человек. В одном лице: астроном, философ, математик, физик и поэт! – с гордостью ответил Цезаре, будто всё перечисленное выше имело к нему какое-то отношение. – Омар Хайям мне вдохновенно поведал о труде Авиценны ибн Сины, а потом читал свои замечательные четверостишья. Быстро простился и внезапно исчез, как и не было. На смену одиннадцатому веку пришёл четырнадцатый. Я бродил и поражался красоте тех мест, атмосфере. Там сон мне подарил общение с прекрасным тонким поэтом – Насими.

И Цезаре процитировал строки из произведений Насими:

«Предвечен я, и вечность – мой конец.

Я и творенье мира и творец.

Я виночерпий пиршества земного,

Я – добрый знак для всех людских сердец».

– А это?

«Мудрец, когда себя познать ты мог.

Всего достиг, и, значит, ты есть бог.

В тебе дыхание святого духа,

Ты всемогущ, бессмертен и высок».

– Как сказано! – произнёс Цезаре.

– Я потрясён, – наконец вымолвил Пауло. – Я не могу понять, как Вам удалось столько запомнить? – спросил Пауло, находясь под большим впечатлением от услышанного. – А я свои сны не запоминаю. Цезаре, как я погляжу, Вы и во сне продолжаете путешествовать. Неужели не наскучило, недостаточно того, что в реальной жизни Вы так много времени проводите в пути? Поразительно! – недоумевал Пауло.

– Как ты не понимаешь? Мой мозг и во сне продолжает работать. Видишь, сколько полезной информации я извлёк из одного сна?

Порой он напоминал ребёнка, который никогда не расстанется со своими любимыми играми.

– Да... – протянул он. Цезаре никак не мог отойти от всего увиденного и пережитого во сне. Сновидения прочно захватили его в свой плен и не выпускали. Он опускался на землю и опять возвращался туда.

– Это было лишь начало сна. Затем сменилась картина, и я оказался в другом месте. Теперь, мой дорогой, мы возвращаемся в Италию. Представь себе знаменитейший зал Маппамондо, – произнёс Цезаре по слогам. – Украшением этого зала является роспись Симоне Мартини. Я очарованный стоял и не сводил глаз с его творений.

Цезаре задумался.

– Но и это ещё не всё.

– Батюшки, да когда ж Вы столько успели увидеть? – воскликнул Пауло, подскочив на сидении.

– Пока ты спал, – спокойно ответил ему Цезаре. – Слушай дальше. Так вот. Был ещё один эпизод, который вверг меня в ужас. Даже и не знаю, стоит ли рассказывать? Боюсь испугать тебя.

– Чего уж там? Я готов слушать, – предупредил Пауло.

– Итак. Следующая картина, которая предстала моему взору, что-то дикое, уродливое, бесчеловечное, ужасающее, не поддающееся описанию. Сцена казни. Это зрелище, скажу я тебе прямо со всей ответственностью, не для утончённых натур. Народ пытали: вгоняли иголки и раскалённое железо под ногти, выжигали глаза. Я кричал из последних сил, вопил и плакал вместе с ними, несчастными. Я такое пережил во сне, – он умолк, – нет, нет, это не поддаётся описанию, – повторил Цезаре с надрывом и одновременно с укоризной.

– Вы хоть знаете, где этот кошмар происходил? – спросил растревоженный Пауло.

– Знаю. Сознание подсказало, – ответил Цезаре.

– И где же? – любопытство распирало Пауло.

– Не догадываешься? – спросил Цезаре.

– Теряюсь в догадках, синьор, – ответил Пауло, мысленно перебирая фрагменты истории.

– В Иерусалиме, мой друг, – раскрыл «карты», Цезаре.

– Где?! – поразился Пауло.

– Да, да. Во время правления Вавилонского царя – Навуходоносора, – пояснил Цезаре. – А говорил, что любишь историю. Такое надо знать, мой милый. Я об этом читал ещё в гимназии. Отец много мне из истории рассказывал. Потом кое-что изучал в университете.

К сведению, наш великий маэстро – Джузеппе Верди увековечил этот сюжет в своём бессмертном творении. Забыл, что ли?

Пауло сидел молча, пропуская через душу рассказ Цезаре.

– Вот поэтому мне несложно было догадаться. Я, как увидел, сразу понял, куда попал.

– Да, да, – промычал Пауло понимающе. – Батюшки, куда Вас занесло! – произнёс Пауло, держась за сердце. – Это ж когда было!

– Одно могу сказать...какое счастье, что я видел всё это во сне. Наяву...не приведи Господь такое увидеть, – сказал Цезаре, находясь в глубоком раздумье и в шоковом состоянии. Пережитое во сне кольцом сдавило его сердце. Он тяжело дышал, поминутно вздрагивал, вбирая в себя воздух.

– Цезаре, дорогой. Успокойтесь, пожалуйста. Не предавайте этому значение. Вы переутомились в последнее время, работали, не покладая головы и рук, без отдыха. Ваш мозг устал. Вот Вам и результат воспалённого рассудка, как

говорится, на лицо. Какие дикие, страшные истории Вас посетили во сне. Выбросите всё из головы, подумайте, о чём-нибудь приятном, – растянул он последнее слово, смакуя. – А это забудется, – уговаривал Пауло. -

Я же не зря говорю, пора нам домой, на покой. Дома с Вами такого не случается и работается легче, – настаивал Пауло на своём.

– Да, ты прав. Пора нам на покой, – соглашался расстроенный Цезаре. – Я как не в своей «тарелке», весь разбитый, помятый, места себе не нахожу, – жаловался он. – Ты представь, каково было великому маэстро Верди писать музыку на этот сюжет? – всё не унимался Цезаре.

– Не представляю, знаю одно – он гениальный трагик! – уверенно ответил Пауло.

– Да, таких, как он, нет, – подвёл итог Цезаре.

Прошли годы...

– Шурочка, ты ещё не собралась? – спросила княгиня дочь.

Посмотри, дружок, на себя. Пора, поторопись, пожалуйста. Сейчас горничная принесёт твоё платье.

Боже, а что у тебя на голове? Немедленно снимай папильотки и расчешись.

Ну, что это такое? – возмущалась княгиня, взглянув на дочь.

– Маман, голубушка. Не беспокойтесь, я успею. Мне Мари поможет.

Шурочка подбежала к матери, обвила своими изящными ручками её массивную шею, поцеловала и прошептала:

– Я так волнуюсь, матушка.

Мать засмеялась и ответила:

– И я волновалась, мой друг, когда впервые выезжала на бал. Не стоит, мон шер, это скоро пройдёт. Не сомневайся. Тебе понравится на балу. Ты так любишь музыку, петь, танцевать. Давай, поторопись, пожалуйста, – попросила княгиня дочь. -

Я буду у себя, – предупредила Софья Алексеевна и ушла.

Впервые в жизни

В преддверии Нового года князь и княгиня Осиповы давали большой бал. Для общественности и самих князей, это событие считалось грандиозным. Они разослали приглашения всем, кого хотели принять у себя в этот вечер. Гости к событиям такого ранга, готовились заблаговременно, в том числе и сама княжеская семья подготовилась основательно к предстоящему мероприятию. Как говорится, не роняя честь мундира.

Шестнадцатилетняя Шурочка, Александра Сергеевна Осипова, младшая дочь в семье князя. Кроме неё у Осиповых три сына: Кирилл и Пётр, они постарше Шурочки. И младшенький – Михаил. Он родился через пять лет после появления на свет сестрицы. Детей воспитывали, как было принято по негласным законам в уважении, почитании старшего поколения и в духе любви к Отечеству. Именно эти правила передавались из поколения в поколение.

Князь – Сергей Константинович Осипов по складу характера был очень общительным человеком. Он любил принимать у себя гостей. Всегда дружелюбный и гостеприимный хозяин, успевал уделить гостю максимум внимания, демонстрируя своё уважение и полное

доверие. И его уважали. За честь почитали состоять с ним в дружеских отношениях.

Бал

Вечером к парадному подъезду съезжались нарядные гости.

В предвкушении торжества, они пребывали в приподнятом настроении. Выходя из карет, они громко приветствовали друг друга. Среди штатских гостей выделялись представители дипломатического корпуса.

Погода в этот вечер благоприятствовала. Шёл лёгкий снежок, он устилал землю ровным пушистым ковром и ненавязчиво хрустел под ногами. Эта музыка мило аккомпанировала внутреннему настрою, создавая атмосферу праздника и вызывая повышенный интерес к приближающемуся событию.

Всё, что связано с приходом Нового года, несёт в себе отголосок сказки, романтическое восприятие действительности. А все праздничные мероприятия, проводимые в преддверье Нового года, возбуждают интерес, остроту восприятия одного события, создавая предпраздничное настроение.

Однако мороза не было. Зима мягко незаметно подкрадывалась, боясь надоесть, ещё не заявляла о себе в полный голос и в полную силу. А до крещенских морозов было «рукой подать».

– Как славно, Мари, что сегодня не морозно и не ветрено. У меня в такие дни текут слёзы из глаз. Представляешь, как маленькие хрусталики повисают на щеках, подмерзая. Потом всё лицо щиплет, – делилась Шурочка с кузиной, встречая гостей.

– Я тоже не люблю мороз. А снежок обожаю, – ответила ей кузина рассеянно. Её взгляд устремился куда-то...и Шурочка не уловила его направления.

– Снежок – это удовольствие, он дарит незабываемые мгновения, – сказала она.

– Смотри, смотри, Шуронька, – вдруг скороговоркой заговорила Мари, перебивая кузину, незаметно дёргая её за платье.

Шурочка удивлённо посмотрела на кузину, затем перевела взгляд в направлении указанном Мари.

Перед ней выросла фигура высокого подтянутого мужчины, как ей тогда показалось, в летах. У него на висках засеребрилась первая седина. Но она не портила его внешности. Весь его облик располагал к общению. Он был красив,

статен, элегантен, – истинный аристократ. А добрый, мягкий взгляд вызывал доверие.

Шурочка не успела ответить кузине, как услышала:

– Приветствую вас, – поздоровался гость с девушками.

Девушки присели в реверансе.

Его насыщенный обертонами голос отличался красивым бархатным тембром. Он обволакивал собеседника, несмотря на то, что гость на русском языке разговаривал плохо и с тяжёлым акцентом.

Шурочка это заметила сразу, как только он заговорил.

– Что батюшка Ваш, здоров? – обратился к ней гость.

– Спасибо, слава Богу, здоров. Батюшка с матушкой встречают гостей в большом колонном зале, – ответила Шурочка смутившись. На неё ещё никто не смотрел так пылко, так пронзительно. Она всем своим существом ощутила на себе его взгляд.

– Алессандра, – назвал гость Шурочку на итальянский манер. – Я помню Вас ребёнком, а ныне Вы... великолепны! Само

совершенство! – рассыпал гость комплименты в адрес Шурочки. –

Совсем взрослая барышня, – добавил гость.

Шурочка залилась румянцем во всю щеку, потупился взор, она не знала, как себя вести. Ни один мужчина не вёл себя с ней так смело, не позволял себе таких речей. Шурочка оторопела и не вымолвила ни слова.

Гость осознал, что своим поведением смутил девушку.

Он откланялся и пошёл к парадной лестнице.

– Кто это? – спросила Мари, сгорая от любопытства.

– Если я не ошибаюсь, он является представителем какого-то дружественного нам государства, – замысловато ответила Шурочка. – Когда я была маленькой, он часто навещал нас. Они дружны с батюшкой. Ты не помнишь его? – спросила она кузину.

– Нет, не помню. Очевидно, он приезжал в наше отсутствие, когда мы ездили с матушкой на воды.

– Возможно, – согласилась Шурочка.

На балу

В самом начале бала гости направились слушать певицу. Её имя гремело среди знатоков «bel canto» (красивое пение) и было у всех на устах. В те времена считалось престижным выезжать в оперу, слушать партии.

Князь Осипов пустил вход всё своё обаяние, приложил немало терпения и хлопот, пока дождался согласия певицы. Красивейшее меццо-сопрано прекрасно сочеталось в ней с богатейшей природой: яркой внешностью и проникновенным исполнением.

Шурочка присела рядом с княгиней.

Рауль – так звали гостя, не сводил с неё глаз. Она же испытывала неловкость, её соблазнительный завиток на затылке горел от его пристальных взглядов.

Певица благополучно закончила последнюю арию, раскланялась и принимала комплименты горячих поклонников. В гостинном зале гостей ожидали накрытые столы. Князь Осипов пригласил всех проследовать туда. Вскоре зал наполнился гомоном людских голосов. За столом гости угощались, обмениваясь впечатлениями, делились новостями, светскими сплетнями. Рауль Дель Монти сидел рядом с князем.

– Дорогой Серж! Как выросла Ваша дочь, – отметил он, обращаясь к князю Осипову. – Как расцвела! Прекрасный божественный цветок, – восхищался он, буквально «съедая» Шурочку глазами, чем немало смутил её.

– Вы правы, мой друг. Да...время летит быстро, не стоит на месте. Давненько Вы не навещали нас, – ответил князь.

– Шурочка уже барышня, наша гордость. У нас все дети хорошие, но она особенная, – подчеркнул князь с гордостью и удовольствием.

Тем временем, как по сигналу, в колонном зале заиграл оркестр, приглашая гостей танцевать.

Торжество вступало в свою заключительную, но самую почитаемую гостями, часть бала.

Рауль вскочил со своего места, как прыткий юноша подбежал к Шурочке, опустился на колени, протянул ей руку, приглашая на танец.

В течение всего бала он оккупировал пространство вокруг неё, не подпуская никого.

После бала Рауль Дель Монти не появлялся у Осиповых. Шурочка с досадой спрашивала сама у себя:

– Куда же он исчез? И отвечала, – вероятнее всего, по службе уехал. Не пришёл даже проститься. К чему тогда все эти взгляды, пылкие речи.

Она нет, нет, да вспоминала, как вальсировала с ним. Как он деликатно обнимал её за талию. Сколько нежных слов говорил. Она ощущала его дыхание так близко, что ей показалось, они слились в единое целое, и нет по отдельности Шурочки и синьора Дель Монти. Рядом с ним она чувствовала себя совершенно счастливой, как в раю, порхая в небесах в окружении ангелов, слушая пение райских птиц.

– Я не могу так долго ждать. Разве он не знает об этом? Так можно лопнуть от нетерпения. Мне нужно, нет, мне необходимо его видеть, слышать. Ну, где же он? – спрашивала она, прогуливаясь по залу.

За обедом царила напряжённая обстановка. Князь Осипов ел без аппетита. Шурочка не понимала, что могло испортить настроение отцу. Она переглядывалась с Софьей Алексеевной.

Княгиня не выдержала и сказала:

– Шура, синьор Дель Монти прислал письмо отцу.

И вдруг князь взорвался, перебив княгиню:

– И думать не смей. Слышишь? – потребовал он, строго посмотрев на Шурочку.

Она покраснела, но ничего не ответила отцу.

– Не бывать этому, – князь выдал свои мысли.

– Чему, папенька? – стыдливо спросила Шурочка.

Князь понял, что проговорился.

– Ладно, ладно, обедай и иди к себе, – ответил он невпопад, не поднимая глаз, тупо опустив их в тарелку со студнем, опасаясь выдать правду.

Однако Шурочка поняла, что отец не намерен выдавать её замуж за Рауля. Причину он утаил, но его поведение красноречиво говорило об этом.

Первый отклик

– Цезаре, я под впечатлением, – заявил Пауло, увидев своего господина утром.

– Что такое, мой друг? Что это так обеспокоило, взволновало тебя? – поинтересовался Цезаре.

– Вчера ночью я прочитал начало Вашего нового романа. Вы не поверите, на одном дыхании. Так интересно. Умоляю Вас, пишите, не отвлекайтесь, не прерывайте работу. Я сгораю от нетерпения. Что же там дальше будет? Такая интригующая завязка! – делился Пауло с синьором за завтраком. Вы же знаете, как я люблю романы о любви, – смаковал Пауло.

– Пауло, ты, как всегда торопишь события. Твоя эмоциональность к добру не доведёт. Ты только посмотри на себя.

И вдруг Цезаре перешёл на «вы».

– Вы достигли почтенного возраста, а темперамент, как у пылкого юноши. Как это Вам удаётся? Откуда такая прыть?

Да... – протянул Цезаре, пригубив горячий шоколад, добавляя в него чайную ложечку свежих сливок, только что взбитых Марией.

– Вам можно позавидовать. Я моложе Вас, – подчеркнул он. – А моё физическое состояние постоянно напоминает мне о моём возрасте, приближающейся старости, немощности, – сетовал Цезаре, делясь с Пауло.

– Ну что же Вы сравниваете? Это всё болезни виною. К тому же, не забывайте, пожалуйста, мой дорогой Цезаре. Вы много работаете, а я всю жизнь бездельничаю, – пояснил Пауло, кокетничая.

– Ну да, да, конечно, – промычал Цезаре в ответ. Тем временем, напевая арию «...расскажите Вы ей, цветы мои» из оперы «Фауст» французского композитора Шарля Гуно, погружаясь в свои мысли. Он ухищрялся параллельно с разговором обдумывать новый эпизод. Цезаре жил в своих произведениях. Любил своих героев, сопереживал им, как если бы они и вправду (в данный момент) были наяву. Жил по их канонам, которые сам придумал и верил во всепобеждающую силу истинной вечной любви.

В гостях в Милане

– Смотри, что я нашёл, отыскивая материалы о Леонардо, – возбуждённо сказал Цезаре.

И зачитал:

«Если ты одинок, то полностью принадлежишь самому себе. Если рядом с тобой находится хотя бы один человек, то ты принадлежишь себе только наполовину или даже меньше в пропорции к бездумности его поведения; а уж если рядом с тобой больше одного человека, то ты погружаешься в плачевное состояние всё глубже и глубже. Этот род деятельности, известный под названием живопись, требует воображения и мастерства кисти, так как призван открывать невидимое, спрятанное в тени видимых предметов, и запечатлевать его с помощью кисти, придавая ясный вид на самом деле не существующему».

– Как сказано! – Цезаре упивался.

Он давно чаял и пестовал в своих мыслях одну задумку, всё взвешивал, как приблизится к ней, не решаясь начать работу. Что-то останавливало его, и он скрупулёзно ещё и ещё раз перепроверял подготовленные им материалы.

– Мы едем смотреть одну из величайших работ обожаемого мною Леонардо Да Винчи, – сказал Цезаре, сидя в карете.

– Что именно? – с интересом спросил Пауло.

– Его «Тайную вечерю», над которой он начал работать по просьбе Людовика Сфирца в 1495 году. Между прочим, ему тогда было сорок три года. Гигант! Я преклоняюсь перед его гением. И ты знаешь, где он её написал? – спросил Цезаре.

– Если не ошибаюсь, на стене трапезной доминиканского монастыря Санта Мария делле Грация.

– Совершенно верно, – с удовлетворением подтвердил Цезаре. Ты был там? – спросил он.

– Нет, не приходилось. Но много читал о ней.

– А теперь, дорогой Пауло, ты увидишь это чудо своими собственными глазами. Я не буду забегать вперёд. Не стану тебе что-либо рассказывать, ты всё увидишь сам и испытаешь огромное наслаждение, клянусь тебе. Лично я, впервые увидев эту работу великого маэстро, испытал самое настоящее потрясение.

Нетерпение возбуждало Цезаре. Он предвкушал радость встречи с полотном Леонардо да Винчи, поэтому находился в приподнятом настроении. Всё бурлило у него внутри. Он ёрзал на сидении, поторапливая кучера. – А вечером нас ждёт «Ла Скала»! – объявил Цезаре с воодушевлением, создавая неповторимую атмосферу наступившего дня и настрой на незабываемые впечатления.

Гениальный трагик

Цезаре встал не в настроении. Он грустил. Его тянуло к рассуждениям, мысли о вечном томили душу.

– Время катастрофически улетает, его не остановить. Оно, как птица, которая стремится в тёплые дальние страны, не оглядываясь, не сожалея о том, что осталось у неё за спиной.

Я не замечаю, как исчезают сутки, – недоумевал Цезаре. Что это такое, старость?

– Что можно на это сказать? – начал философствовать Пауло. Быстротечна наша жизнь, – кратко подметил он.

– Вот именно, – вторил Цезаре.

Трудно представить, что вот уже полгода мы живём без Верди, – спонтанно перескакивая на другую тему.

Мир осиротел, а продолжает своё существование. Я полагал, всё рухнет с его уходом. Вся Италия его хоронила. А мы доживаем свой век, как ни в чём не бывало. Парадокс какой-то.

– Что сказать, Цезаре? Участь гениев – будоражить умы, сердца обыкновенных смертных, очищать, просветлять их души, вселять надежду. А участь смертных – доживать свой век в житейских заботах. Не отчаивайтесь, так устроен мир, – монотонно уговаривал Пауло.

В одном не соглашусь с Вами. Верди не ушёл, он живёт в каждой своей ноте. Его непревзойдённый талант победил! – торжественно заключил он.

Наступила пауза. Каждый из собеседников думал о своём.

– Видите ли, их не устроила форма его пальцев, – гневался Цезаре.

– Поясните, пожалуйста. Я не уловил смысл. Куда это Вас увёл свободный ум? – с иронией в голосе спросил Пауло.

– А ты не знаешь. Как же? Его не приняли в консерваторию, только потому, что посчитали непригодной для обучения форму пальцев.

Ха-ха...

Зато теперь эта же самая консерватория удостоена носить его имя. Поразительно! И что ты на это скажешь? – возмущался Цезаре.

– А то, мой милый, что ошибаются все. Только одни в этом никогда не признаются и живут с этим грузом всю свою жизнь. А другие, признают свои ошибки, исправляют их и в разной форме просят прощение, то есть, замаливают грехи. Я это понимаю так, – разъяснил мудрый Пауло.

– Даже если и так, кому от этого легче? – упорствовал неугомонный Цезаре.

– Не знаю, надо спросить и у тех, и у других, – засмеялся Пауло. -

Но, знаю одно, – кто не ценит жизни, тот недостоин её, – произнёс он сосредоточенно, вдумчиво, без доли сарказма.

– Да ты философ! – воскликнул Цезаре и засмеялся.

Пауло обрадовался, что ему удалось разрядить обстановку.

Курьёзный случай

– Цезаре, что ты сегодня такой озадаченный? – на ходу спросил Фернандо, собираясь отправиться по своим делам.

– Ты понимаешь, мы с Пауло собрались в «Ла Скала», послушать партии, а у него нет фрака. Подумать бы мне об этом раньше, перед поездкой, так нет. Замотался и выпустил этот момент из вида. Мой портной пошил бы ему качественно и быстро. И что теперь делать, ума не приложу?

– Не огорчайся, дружище. Это поправимо, – отозвался Фернандо из другой комнаты. Я из своего фрака давно вырос, – шутил Фернандо. – Переел спагетти, ризотто, десерты и множество других вкусных блюд, – рассказывал Фернандо, поглаживая себя по животу, веселя друга. – Теперь придётся сшить новый фрак и срочно, не откладывая в долгий ящик. В противном случае не впустят ни в одно приличное место. Да, да, а что Вы думаете? – разошёлся Фернандо. – Так что, дорогой Пауло, с лёгким сердцем дарю тебе свой фрак. Носи его на здоровье. Он повидал виды, ему есть, что вспомнить, – Фернандо изобиловал шутками, доставая из платинного шкафа свой старый фрак.

– Ой, синьор, Фернандо. Как Вы добры. Благодарю Вас. Вы сделали мне неоценимый подарок, – благодарил Пауло, радуясь, как ребёнок. У меня никогда не было фрака.

– Ты опять перебрал. Прямо болезнь какая-то. Вместо того чтобы распыляться в благодарностях, разглагольствовать тут понимаешь, лучше бы примерил фрак. Времени в обрез. Фернандо на голову ниже тебя ростом. Размерчик может сойти с мерки, между прочим, – язвительно подметил Цезаре, подначивая Пауло.

– Ой, и правда. А я и не учёл этого.

– Давай примеряй, – командовал Цезаре.

Пауло с большим трудом натянул на себя фрак и простонал:

– Как же я буду передвигаться в нём? Он действительно мне мал. Вот здесь тянет, – пожаловался Пауло, неуклюже указывая рукой ниже живота.

– Где это здесь? Конкретнее, пожалуйста, – спросил Фернандо раздражённо.

Пауло смутился, покраснел, потом сказал:

– Ну, как Вам сказать? В самом укромном месте, – стесняясь, робея, ответил он.

– Там, в этом самом месте расшить можно, – предположил Фернандо.

Недолго думая, он взял большие ножницы, распорол швы и сказал:

– Здесь и запас имеется. Сейчас соединю по тебе, и ничего тянуть не будет. Фернандо неумело стал сшивать края ткани, а Пауло ещё больше принялся охать и стонать.

– Что опять не так, синьор Пауло? Не выдумывай. Уже ничего не должно мешать. Смотри, какой кусище выпустил.

А Пауло:

– Прошу прощения, синьор. Понимаю и ценю Ваше великодушие, желание выручить меня. Я мечтаю попасть в театр, но Ваш фрак мне тесен и вовсе не там, где у Вас живот, а ниже, – он сделал акцент на последнем слове и добавил:

– С чувством глубокой скорби заявляю Вам об этом.

Цезаре, ехидный, как в воду глядел, – Пауло бурча, кинул реплику в сторону Цезаре.

– А где же сейчас тянет? Не понимаю, – теряя терпение, спросил Фернандо.

– Всё там же, синьор. Всё там же. Позвольте мне вылезти из него, – заунывно произнёс Пауло. – Я себя в нём неуютно чувствую.

– Нечего было отращивать себе...– Фернандо замял фразу, не договаривая её до конца. Сделав паузу, он всё же высказался:

– Ещё укромным это место называет. Какие нежности. Утончённый синьор, ничего не скажешь, – взорвался Фернандо. – Кто же сегодня позволяет себе такую роскошь? Отрастил невесть сколько и ещё жалуется. А мы возьмём и не пожалеем тебя. Да, Цезаре?

Цезаре, со стороны наблюдая эту сцену, лопался со смеху, держась за живот.

А Пауло, скрепя сердце, просидел весь вечер в одиночестве, дожидаясь возвращения Цезаре, так и не посетив театра «Ла Скала» и не насладившись пением знаменитых примадонн.

Новые впечатления

У Цезаре гостили друзья из Франции. Его с ними связывали годы многолетней крепкой дружбы. Ему хотелось показать им самые красивые места, которые когда-то запомнились ему самому и нашли отклик в его сердце.

– Завтра у меня важная встреча. Я возлагаю на неё очень большие надежды. Там, где нам предстоит побывать, меня ожидают чрезвычайно интересные документы. О таких источниках можно только мечтать. Я их давно разыскивал, – сообщил Цезаре деловито.

Мы в этой поездке совместим дела и культурно-познавательную программу, намеченную ранее. Отдельно попутешествовать не получится в виду нехватки времени, а вот благодаря случаю, прекрасно проведём время, главное, с пользой.

Мы направимся в Мантую. Вы ведь там никогда не были. Я покажу вам те места, которые запомнились мне, и расскажу об этом городе, – с вечера предупредил Цезаре гостей, возбуждая у них интерес к поездке.

Пауло с детства с интересом относился к истории и благоговел перед памятниками архитектуры. Он присутствовал при разговоре Цезаре с гостями, и сам настроился на положительные эмоции от встречи с шедеврами великих мастеров.

Мантуя

– Что я могу сказать, други мои? Сегодня удачный день, – начал Цезаре после завершения дел. Он получил нужные документы, чему был очень рад. Желание ознакомиться с новым материалом не давало думать ни о чём другом, и они отправились в обратный путь.

– Но прежде чем мы покинем Мантую, совершим небольшую обзорную экскурсию, по ходу я покажу вам несколько уникальных мест, ну а потом поедem домой. Итак, внимательно слушайте и запоминайте. Он повернулся к Пауло и сказал:

– А вдруг, тебе когда-нибудь придёт в голову блистательная идея – написать исторический трактат о своей родине, – предположил Цезаре.

Пауло посмотрел на Цезаре и сразу не определил, тот шутит или говорит серьёзно.

– Мы находимся в Ломбардии, – сказал Цезаре. – Мантуя образуется на двух островах, окружённых рукавами реки Минчо, которая омывает город с трёх сторон и образует три озера – Верхнее, Среднее и Нижнее. Четвёртый был засыпан в конце XVIII века. Неужели не помнишь, батюшка рассказывал, – спросил Цезаре у Пауло.

Тот посмотрел на Цезаре, сосредоточился и ответил:

– Что-то припоминаю. Но отдалёно.

– Основан город этрусками, – продолжал Цезаре, – которые заняли большую часть Паданской равнины и расположились около Болоньи и в устье реки По. К слову. В восьмом веке жили лигуры, этруски и сиканы. Они являлись основателями Италии. Около Мантуи действительно было обнаружено богатое торговое место, которое свидетельствует, что ядро Мантуи было одним из наиболее развитых в равнине для экспансии этрусков. Впоследствии город попадает под правление галлов, чтобы потом, после победы Кастеджо, перейти под римское правление. Знаменитейший поэт Вергилий родился около Пьетоле, в нескольких километрах от Мантуи, и всегда гордился тем, что он мантованин, даже когда, после битвы Филиппи в 42 г. н.э., был лишен своих земель и вынужден переселиться в Рим. Первое упоминание об основании города принадлежит поэту, который в поэме “Буколике”, рассказал драму крестьянина своей земли. Да, история этого города непросто складывалась, как собственно история всей Италии.

– Цезаре, откуда у Вас такие глубокие познания в истории? – Насколько я помню, Вы изучали литературу, – поинтересовался один из гостей.

– Не забывайте, я получил хорошее всестороннее образование, что меня очень выручает. К тому же, мой батюшка был полиглотом, он многое мне дал, – ответил Цезаре с чувством гордости.

Также, – продолжил он знакомить гостей, – Мантуя была жертвой набегов варваров, начиная с третьего века и до момента, когда в восьмом веке, не попала под господство лонгобардов и перешла, следовательно, во владения Матильды ди Каносса.

После смерти графини, город становится свободной Коммуной. Но затем, после сражений против Федерико Барбаросса, его раздирают междоусобные войны между соперничающими семьями в погоне за властью. Бонаколси во второй половине тринадцатого века становятся первыми синьорами (господами) Мантуи, а в первой половине четырнадцатого века, был вытеснен Луиджи Гонзага, который в последующий год был признан имперским наместником, положив таким образом начало могуществу синьории (небольшое герцогство) Гонзага, которая просуществовала до начала восемнадцатого века. Во второй половине пятнадцатого века город становится одним из заметных культурных центров Возрождения, благодаря также присутствию и работе в Мантуе знаменитейшего архитектора Леона Баттиста Альберти. С Изабеллой Д’Эсте, маркизой с середины пятнадцатого века, меценатство Гонзага достигло своей

вершины.

Но мы не будем уходить в дебри. Мы проедем по самым запоминающимся местам. Мне хочется, чтобы у вас осталось хорошее впечатление о нашей поездке. Мантуя – небольшой, но прекрасный город! – вдохновенно объяснял Цезаре. В Мантуе очень много памятников старины. Смотрите, мы подъезжаем.

Забыл сказать, город прогрессирует как место значительной культурной привлекательности, как благодаря престижной красоте своих зданий, так и из-за организации событий, дающих большой резонанс. Вот смотрите, мы подъезжаем к собору. Какое величие! Великолепный собор посвящён Святому Петру. Предполагается, что изначально Собор имел более скромные размеры и был возведён в первые века христианства. Впоследствии был много раз переделан, расширен и украшен. Собор был полностью разрушен после пожара в 894 году и возведён заново в романском стиле между 1395 и 1401 годами. Во время этой перестройки к Собору были добавлены боковые капеллы и красивейший готический фасад. После ещё одного пожара в XVI веке знаменитый Джулио Романо провёл реконструкцию внутренней части Собора, сохранив нетронутым фасад.

Цезаре, окунувшись с головой в роль носителя исторических знаний, продолжил свои лекции и на обратном пути, покидая Мантую.

Вечером того же дня, устроившись у камина, домочадцы и гости увлеклись беседой, которая имела глубокие корни.

– Смотрите, что я нашёл в записях моего батюшки. Узнаю руку отца. Насколько я понял, здесь он описывает парижский период в его жизни, – обратился к гостям Цезаре. Записей много, я зачитаю лишь выдержки, чтобы не утомлять вас.

Много исторических материалов о Франции. Переписка моего отца с его друзьями, коллегами по дипломатическому корпусу и просто интересные находки, – добавил он. А вот замечательные ремарки об образе жизни аристократов того времени.

И Цезаре зачитал: «Сен-Жермеснское предместье располагалось на левом берегу Сены; с востока его ограничивала улица Святых Отцов, с запада – Дом

Инвалидов, с севера – набережная Сены, а с юга – ограда семинарии Иностранных миссий. Предмestье состояло из пяти длинных улиц. При Людовике XV аристократы полюбили этот район Парижа и охотно чередовали жизнь здесь с пребыванием в Версале. Во время революции многих знатных жителей предмestья казнили, другие эмигрировали, а имущество тех и других было реквизиrowано или распродано...» Далее идёт неразборчиво. Очень мелко написано. Придётся засестъ с лупой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/komarova_inna/biograf

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)